

ПО СТРАНИЦАМ ПЕРМСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

ПЕРМСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ
№4, 16 февраля 1891 года, отдел неофициальный, стр. 61–84.

www.permkraeved.ru
Церковный краевед Прикамья

Слово при погребении о. ректора семинарии,
протоиерея Василия Лепешинского

Кончина и погребение ректора

Некролог

Текст печатается в соответствии с современной орфографией.

С Л О В О

при погребении о. ректора семинарии протоиерея Василия Лепешинского

Братие мои возлюбленнии, взывает к нам почивший, – не забывайте мя, егда поете Господа: но поминайте и братство, и молитте Бога, да упокоит мя с праведными Господь (тропарь погреб. священнич.)

Спит сном смерти, лежит пред нами во гробе бездыханный и безгласный добрейший отец ректор сего рассадника духовного просвящения и возлюбленный о Господе сослужитель наш! Смерть сомкнула уста его, закрыла свет очей его и прекратила земную деятельность любвеобильного и сострадательного сердца его. Пройдет еще немного времени, – и этот холодный и уже тлеющий труп примет в свои объятия мрачная и сырая могила, оставив нам о почившем одно лишь воспоминание и сожаление. Судя по летам почившего, еще не достигшим преклонного возраста, принимая во внимание его крепкое телосложение и цветущее здоровье, кто мог думать, что он так неожиданно, по видимому, сделается жертвою смерти и из гроба будет взывать к вам устами церкви: *братие мои возлюбленнии, не забывайте мя, егда поете Господа, но молитте Бога, да упокоит мя с праведными Господь*. Пути промысла Божия неисповедимы и всегда премудрые и всеблагие! – Не забудем тебя, возлюбленный о Господе наш собрат и сослужитель, не перестанем помянуть тебя в своих молитвах, которых ты просишь у нас. Можем ли мы, твои собратия и соратники в великом доме Божиим, забыть тебя, доброго и достойного служителя Божия? Может ли словесное стадо Христово – сей рассадник духовного просвещения, сей питомник юношества, для которого ты был добрым наставником, руководителем, попечительным отцом, может ли оно с любовью и уважением не вспоминать о тебе? Может ли твое осиротевшее семейство за-

быть тебя, нежного любящего отца, дорогого друга и благодетеля? Все мы единодушно молимся и будем молиться Богу, *да упокоит Он тебя с праведными.*

В этой молитве, братие христиане, и выражается яснее всего та высокая нравственная связь, которая, и по разрушении тела, остается у почившего с присными ему и любящими его, та связь, по которой для сердца любящего умерший человек продолжает жить в нем, пока бьется это самое сердце. Почивший же между прочим обладал такими симпатичными свойствами, которые побуждают нас с особенною любовью вспоминать о нем. Доброта, теплота сердечная, радушие, живое участие ко всем – были отличительными свойствами покойного и светлым украшением жизни его. С какою сердечною теплотою он возносил моление ко Господу во святом храме сем! С какою любовью он возвещал слова жизни и спасения и как пастырь, и как наставник и руководитель учащегося юношества! С каким отеческим участием и любовью он входил в положение и нужды учащихся! – Сын бедных родителей, воспитанный в суровой нужде, ученик старой дореформенной школы, почивший, по окончании курса в высшем духовном учебном заведении, посвятил себя всецело служению церкви и делу воспитания и образованию юношества, готовящегося к служению церкви. Служение это его, начавшееся на месте его родины и окончившееся здесь, продолжалось слишком тридцать пять лет. Как во время своего служения в сем учебном заведении, так и раньше, во время служения своего на родине, по отзывам лиц, близко знающих покойного, всегда он был добрым пастырем, учителем и руководителем. Словом, почивший был добрый человек. *Добрый человек* – как много заключается в этом слове! Быть добрым человеком, это – такое достоинство, которого не может заменить и богатое умственное развитие, но без истинной доброты сердечной. Что хорошего в уме, когда сердце сухо, черство и себялюбиво? Как тяжело было бы жить на свете, если бы все приходилось иметь дело с людьми, от которых веет холодом самолюбия и своекорыстия и от которых не жди искреннего сочувствия в горе и радости!... При том, и на том свете нас не будут спрашивать о том, насколько кто сведущ в той или другой науке, а спросят, насколько образование приблизило душу человека к тому, чей образ

она на себе носит, насколько развитие ума и сердца содействовало уподоблению человека своему первообразу... Почивший же с богатым умственным развитием соединял живую веру в Бога, имел сердце отзывчивое, благожелательное и мысль серьезную. Христианская доброта сердца сама по себе уже есть достаточное ручательство за то, что и деятельность такого лица добрая. Вы, предстоящее у гроба ученики почившего, без сомнения сами достаточно знаете, а многие и на себе испытали действие доброй души почившего, его труды и заботы о вас. Поэтому нет надобности подробно изображать нравственный облик почившего. Чем же вы почитите память усопшего? Чем выразите ему свою благодарность за все его труды и заботы относительно вас? На искреннюю христианскую любовь нельзя не отвечать любовью. А выражением взаимной любви между людьми, разлученными смертью, остается молитва. Почивший же ничего от нас не желает, ничего не просит, одной молитвы он желает, о ней одной он просит – «да упокоит Господь душу его в селениях праведных». Молитва – это ваш долг, ваша прямая обязанность относительно покойного, который для устроения блага вашего жертвовал своими силами, покоем и здоровьем.

К вам, осиротевшая супруга и дети почившего, теперь наше слово: велика ваша потеря! Видим, понимаем и от души сочувствуем вам. Ваша скорбь, ваши слезы естественны. Но не скорбите скорбью безотрадную, не плачьте плачем неутешным. Такая скорбь, такие слезы могут быть приличны только тем людям, которые не имеют христианского упования. В лице умершего вы потеряли друга, отца и благодетеля: но помните, что у нас есть еще Отец небесный, который всегда жив и печется о нас надежнее всех отцов земных. Мужайтесь и крепитесь! Преданность воле Божией да будет для вас защитой против всякого ропота и всех сомнений! Не Он ли, Премудрый и Всеблагий, даровал то, что составляло для вас отраду жизни? Не Он ли, Премудрый и Всеблагий, опять взял к себе то, чего вы лишились? С Ним ли вступать в спор?... *Не в руке ли его душа всех живущих и дух всякаго человека* (Иов. 12, 10). И мы все умрем, но тогда, когда угодно будет Богу Промыслителю. Он дал нам дыхание и жизнь, Он только и может взять их у нас. Вы не призвали смерти. Вы употребили все средства к продолжению угасавшей

жизни; если же сия жизнь угасла на земле, то без сомнения по воле Того, в деснице Коего – ключи жизни и смерти. Гроб сей, имеющий быть опущенным в землю, сокроет бранные останки почившего, но не прекратит общения с духом отшедшим от нас. Самое верное средство к общению вашему с почившим – это молитва. Среди молитвы падает средостение, нас разделяющее, – мы возвышаемся духом до почивших, а почившие нисходят до нас. Молитесь, и *Бог всякия утехи* утешит и не оставит вас. Помните, что чрез дверь смерти почивший телом отходит в землю, от которой и взят был, а духом воспарил к Господу. В след за ним к Господу же идут все дела его, содеянные им в духе веры и благочестия, во славу Божию и благо ближних. Молим и уповаем, что Сладчайший Спаситель наш, Господь Иисус Христос, по неизреченному милосердию Своему, Своею благодатью покроет все согрешения почившего, вольные и невольные, своими крестными заслугами помилует и спасет раба Своего, почившего протоиерея Василия, его же ныне в вере преставил.

Помолимся же братие, о почившем рабе Божиим, протоиерее Василии, да упокоит Господь душу его в селениях праведных, идеже присещает свет лица Божия. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, не отрини молитв наших, – прими дух почившего с миром! Мир праху твоему! Вечная память тебе, приснопамятный священнослужитель и собрат наш! Аминь.

Протоиерей Александр Воскресенский

Кончина и погребение ректора Пермской духовной семинарии, протоиерея Василия Иоанновича Лепешинского

В ночь с 15 на 16 января 1891 года, в половине 2 часа, после тяжелой и продолжительной болезни, тихо скончался уважаемый о. ректор Пермской семинарии, протоиерей Василий Иоаннович Лепешинский. Смерть о. ректора не была для многих неожиданностью, и только семейные и близкие его, не смотря на постепенное ослабление его физических сил, до самого последнего дня его бо-

лезни надеялись на его выздоровление. Недомогание о. ректора началось еще с конца прошлого учебного года: он стал чувствовать в себе слабость, сопровождаемую сонливостью. В июле месяце эта слабость увеличилась. Семинарский врач, доктор П.Н. Серебренников, его семейные и другие лица советовали ему воспользоваться вакационным временем, прокатиться по Каме и съездить в Казань – посоветоваться с Казанскими профессорами университета, но о. ректор, надеясь на свой действительно крепкий организм, не следовал этим советам и думал, что организм его перенесет болезнь, и он снова с начала учебного года примется за семинарские учебные дела. В конце июля ему сделалось еще хуже: крайняя слабость стала сопровождаться ослаблением памяти, на руках и ногах появились отеки. Видя его в таком положении, семейные его решились, не смотря на его нежелание, свозить в Казань, что и приведено было в исполнение в первой половине августа. Казанские профессора университета нашли в нем развившуюся водянку, посоветовали поместить его, с открытия занятий в университете, в университетскую клинику. После этого о. ректор привезен был обратно в Пермь и сначала сентября снова отправлен в Казань, где и был помещен в клинику. Пред вторичною своею поездкою в Казань, о. ректор, по его желанию, был напутствован. Пребывание в клинике однако не принесло пользы. Находясь вдали от семьи и не видя вокруг себя своих детей, он сделался скучен, что не могло отразиться благоприятно на ход усиливающейся болезни. Это обстоятельство побудило взять его из клиники и снова привезти в Пермь, в любимую им семью. Переезд в осеннее время, конечно, тоже имел свое влияние на усиление болезни. Со времени возвращения (в начале октября) из Казани и до начала января месяца настоящего года, в ходе болезни о. ректора довольно заметной перемены к худшему не было: он мог сам вставать с постели и ходить без посторонней помощи по комнатам. С 10 января положение больного сразу изменилось к худшему: у него появился жар, температура до 39° с лишком, и он слег в постель, с которой почти уже и не вставал до самой своей смерти. 15 января он впал в забытье, а ночью, в половине 2-го часа, мирно и тихо скончался.

О смерти немедленно извещен был протоиерей кафедрального собора, бывший сослуживец о. ректора по Пермской семинарии

А.А. Воскресенский и близкие о. ректору лица. О. протоиерей Воскресенский совместно с соборными диаконами и о. духовником семинарии, облачил тело почившего в священнические ризы, после чего оно перенесено было из кабинета, где скончался о. ректор, в зал и положено на приготовленный стол. Около 4-х часов утра о. протоиереем совершена была над усопшим первая панихида.

Весть о смерти о. ректора прежде всего распространилась среди учеников семинарии и сослуживцев его. В 10-м часу утра была отслужена панихида над телом усопшего духовником семинарии в присутствии преподавателей и начальствующих семинарии, а в 11 часов отслужена была панихида в Кафедральном соборе Его Преосвященством, Преосвященнейшим Владимиром, в сослужении городского духовенства, совместно с панихидою по усопшем не за долго перед этим Преосвященном Ефреме, бывшем Пермском епископе, при котором о. ректор вступил в отправление своих ректорских обязанностей в Пермской семинарии. После этой панихиды, весть о смерти о. ректора распространилась по всему городу, и в квартиру почившего стали приходить почитатели и все, знавшие его, поклониться его праху. Причты городских церквей приходили служить панихиды но нем. В 7 часов вечера в квартиру о. ректора прибыл Преосвященнейший Владыка, благословил осиротевшую семью и отслужил панихиду вместе с городским духовенством. Молящихся на панихиде было довольно много. На следующий день панихиды шли своим чередом. Между прочими панихидами были отслужены панихиды от мужской и женской гимназии, от духовного мужского училища и т. п.

В то время, как по усопшем служились панихиды, воспитанники семинарии и сослуживцы о. ректора озабочены были мыслью – как почтить память почившего, доброго для них начальника. В среде воспитанников быстро составила подписка; на собранные деньги приобретен был довольно ценный металлический венок, увитый атласными лентами с напечатанной на них надписью: «Незабвенному отцу ректору, протоиерею Василию Ианновичу Лепешинскому от признательных воспитанников Пермской духовной семинарии». Венок был возложен на гроб почившего. Вслед затем, был возложен

венки из искусственных (французских) цветов с надписью на широкой ленте: «Добрейшему отцу ректору» и со стороны семинарской корпорации.

В 5 1/2 часов вечера 17 января тело о. ректора, после краткой литии, было положено в гроб, обитый бархатом, и затем произведен вынос его из квартиры в семинарскую церковь. Ко времени выноса собралась масса народа, наполнившая все помещение квартиры о. ректора и загроздившая всю улицу от его квартиры до парадных дверей главного семинарского корпуса (семинарские здания занимают собою целый квартал; квартира ректора помещается на одном углу квартала, в особом деревянном доме, а главный семинарский корпус – на другом). Гроб с телом почившего несли преподаватели семинарий и почитатели его. По внесении в храм, над телом усопшего воспитанником VI класса семинарии А. Плотниковым была произнесена следующая речь:

«Вечная память, наш многолюбимый отец и наставник!

Последнее наше слово, последнее пожелание тебе, незабвенный умерший, – пожелание вечной памяти. Но вечная память может быть только там, где есть вечность. Где же здесь на земле вечность, когда и сейчас бранные останки твои напоминают нам о тленности земного? Вечность на земле в церкви Христовой. «Церковь, по словам св. Златоуста, не подлежит времени тления... никогда же стареет, но присно юнеется». Следовательно, в церкви и бывает вечная память умершему, и такая память дается в ней всякому доброму христианину, но особенно тому, кто сам потрудился на пользу церкви, сам трудами рук своих вписал свое имя в ее помянник. Ты, наш усопший начальник и наставник, и был именно таким тружеником на ниве церкви. После многих и многих лет трудов на пользу духовного просвещения в другой отдаленной окраине нашего православного отечества волею высшего церковного начальства ты явился у нас, как глава рассадника духовного просвещения в двух обширных и многолюдных епархиях Русской церкви. Плоды трудов и стараний твоих здесь – десятки лиц, прошедших духовную школу под твоим руководством, и трудящихся теперь в церкви на поприще пастыр-

ского служения. И они, и мы, воспитанники, только готовившиеся под твоим руководством к этому служению, без сомнения всегда будем помнить тебя, приснопамятный о. ректор, как начальника и наставника. Доброта и искренность прежде всего отличали тебя, как начальника. О тебе вполне можно было сказать, что ты отец наш, а не начальник. Простота и чисто отеческая теплота твоя в обращении с воспитанниками показывали, что ты и в нас, еще юношах, уважал высоту нашего будущего служения алтарю, служения, которое ты и сам нес наравне с трудами по управлению и преподаванию в семинарии. Слова твои, как наставника, не были пустым звуком, медью только звенящею и кимвалом бряцающим. Говоря в своем преподавании выходящим в жизнь питомцам духовной школы последнее слово от Свящ. Писания, ты тем более мог рассчитывать на успех, что и каждое слово твое, каждое действие показывали, что сам ты твердо верил в то, чему учил.

Но не одним только начальническим управлением, не одними наставническими трудами, а и самым примером своим ты руководствовал и готовил к достойному прохождению пастырских обязанностей нас, вверенных для этого подготовлению твоему попечению. Ты сам был истинный пастырь, образец благоговейного православного священнослужителя. Нужно было видеть, как исто-во клал ты на себе крестное знамение, как благоговейно совершал священнодействия, с каким чувством и умилением произносил возгласы и молитвы! Все это хорошо знают толпы молящихся, стекавшихся на твое служение в семинарскую церковь, знают это и будут помнить, как достоподражаемый пример, и все твои воспитанники.

Таким же достоподражаемым примером ты был для нас и в другой стороне своей пастырской деятельности – проповедничестве. Твои проповеди отличались по преимуществу помазанием. Прекрасное, проникнутое глубоким чувством произношение довершало глубокое влияние твоих проповедей на слушателей. Мы видели, как слушатели плакали под глубоким впечатлением проповеди, и здесь впервые брали высокий жизненный урок проповедничества.

Вот кого потеряли мы в лице тебя, наш приснопамятный о. ректор! Потеряли любимого начальника, уважаемого наставника, высокий образец пастыря и проповедника. Где же найти нам хотя некоторое облегчение и утешение в такой потере? Утешимся сознанием тех же трудов твоих, которыми начал ты поприще своей деятельности и которыми его кончил. Вся твоя жизнь – служение делу духовного просвещения, делу церкви. Размышляя об этом, будем утешать себя надеждой, что твоя трудовая жизнь не останется без награды за гробом, в вечности.

Незабвенный начальник и наставник наш! Ты трудился в той области, где и на земле есть вечность, есть вечная память. Да будет она тебе по трудам твоим».

Затем отслужено было всенощное бдение.

На следующий день, 18 января, в семинарской церкви Его Преосвященством, Преосвященнейшим Владимиром, совершена была заупокойная литургия и непосредственно за нею чин отпетия и погребения. За литургиею вместо причастна было произнесено протоиереем А. Воскресенским прочувствованное слово (помещено на первых страницах неофициальной части настоящего № Епарх. Вед.).

Отпетие, совершенное Преосвященнейшим Владыкою, в сослужении почти всего городского духовенства, отличалось особенной торжественностью. Ко времени отпетия в семинарскую церковь прибыли отдать последний долг почившему, г. Начальник губернии, представители разных губернских и земских учреждений, начальствующие разных учебных заведений г. Перми и т.п. лица. Пред последним целованием останков почившего о. ректора, воспитанником VI класса Н. Поповым была произнесена следующая речь:

«Пред нами неожиданное и поразительное для нас проявление неотразимого действия рокового естественного закона. Всепожирающая смерть – это грозное наследие от праотца Адама, – ежедневно унося в тот мир тысячи жизней, давно подняла свою мощную руку

над нашим незабвенным о. ректором, долго держала ее над ним, как бы размышляя – опустить ее или нет. Теперь раздумье это кончено. Смерть свершила свое страшное и вместе торжественное дело. Любимого нами о. ректора нет: пред нашими чувственными очами одни только бранные, хотя и дорогие для нас, останки его тела. А мы все надеялись, что смерть пощадит его, просили милостивого Бога, чтоб Он воздвиг болящего с одра болезни и ждали его выздоровления. Но, увы! – смерть не пощадит его, как не щадит никого и ничего в сем, исполненном почти одних только страданий, мире. Тяжелая утрата для нас – питомцев семинарии, бывшей под управлением усопшего!

Мы не успели услышать из уст о. ректора классного преподавания слова Божия, о котором наши предшественники передавали одно только хорошее. Его слово в классе, свидетельствовавшее о его глубоких познаниях, было растворено любовью; так и чувствовалось, что он говорит от сердца, убежденный в истинности своих слов. Оттого его слова глубоко западали в души слушателей.

В лице о. ректора мы лишились не просто начальника, а «доброго начальника». Мы в нем находили не строгого, неумолимого карателя наших проступков, а доброго, снисходительного милователя, никогда не позволяющего себе, не выслушавши обвиняемого, произносить о нем свой приговор. Всякий из нас, когда-либо обращавшийся к нему, был выслушиваем со вниманием: почивший всегда с участием входил в наши нужды и, могущие быть удовлетворенными, охотно удовлетворял. – В самых наказаниях он был строго разборчив: в громадном большинстве случаев он ограничивался одним только отеческим внушением, не без основания полагая этим сильнее воздействовать на наши молодые сердца. Ни один даже из неудачников – питомцев этой семинарии, всегда более или менее ожесточенных, не посмеет худо молвить о добрейшем о. ректоре. Едва ли отыщется хотя единичный случай, где бы покойный о. ректор явился строгим, сухим формалистом: всегда он был для нас добрейшим, умным «дедушкой», как мы любили его называть, всего лучше выражая этим его отношение к нам: он, кажется, смотрел на нас, как смотрит любящий дед на своих внучат – он по временам

и вразумляет их и обличает, но все это он делает с теплой отеческой добротой и снисходительностью, с единственным желанием исправить провинившегося. Если иногда он был вынуждаем силою обстоятельств исключить питомца из семинарии, то и тогда он всячески старался смягчить участь виновного. Таков был для нас отшедший в вечность о. ректор!

Мы уже не услышим твоего, всегда дорогого для нас голоса, неоцененный о. ректор, и скоро, очень скоро, не будем видеть и сей ветхой одежды, скрывавшей твою любящую душу, но память о тебе, память, соединенная с признательностью и теплою любовью, останется в наших душах навсегда. Да и можно ли забыть тебя, который и в последние дни своей жизни, стоя уже в дверях вечности, наравне со своими кровными вспоминал о нас с заботливостью и любовью. Твой светлый образ будет всегда жить в наших душах, возбуждая добрые чувства и благие стремления.

Прости мне, незабвенный о. ректор, что я моим слабым и кратким словом не могу выразить того великого значения, какое ты имел для своих питомцев. Я сказал то, что подсказывает мне мое сердце, и вполне уверен, что юные сердца всех, вверенных твоему смотрению, совершенно разделяют мои чувства.

Господь да узрит расположение к тебе наших сердец и да воздаст тебе, как доброму отцу, сердечно любившему своих духовных детей и горячо любимому ими!»

Во время этой речи и до выноса из церкви слышен был сдержанный плач: плакали многие из присутствующих, плакали многие и из воспитанников семинарии, лишившиеся в нем доброго и сердечного начальника.

При выносе из церкви и семинарии на монастырское кладбище, гроб с останками почившего был встречен на улице воспитанниками духовного училища (за массой народа, в церкви для них не нашлось места), расставленные шпалерами по пути следования к кладбищу. Гроб несен был, как и при выносе из квартиры в церковь, до самого кладбища некоторыми сослуживцами о. ректора

и его почитателями. – Пред опущением в могилу гроба, помощником инспектора семинарии Л.П. Пославским, бывшим учеником о. ректора по Могилевской семинарии, как бы от лица родной для последнего семинарии, в которой он получил свое среднее образование и на служение которой им посвящены были лучшие годы жизни, была произнесена следующая речь:

«Дорогой и незабвенный наставник!

Ты был одним из наставников, под руководством которого я начал среднее духовное образование; думалось мне, уезжая сюда с твоей и моей родины, что под твоим мудрым руководством начнется и служебное мое поприще. Но... Господь судил иначе: приехав, я был только свидетелем той тяжелой болезни, которая постепенно свела тебя в эту могилу. И мне выпал лишь печальный, но в тоже время и счастливый жребий воздать тебе последний долг любви, поклониться пред бранными останками твоими от твоей родины и от учеников родной тебе семинарии, – родной потому, что в ней ты учился, в ней потом и сам учил других в долгие, цветущие годы твоей жизни.

Стою я теперь при твоём гробе на краю могилы, готовый сокрыть тебя от нас навсегда, смотрю на тебя, измененного болезнью и смертью, а мое воображение и мысль невольно переносят меня к тому времени, когда мы знали тебя крепкого жизнью и сил. В моей памяти воскресает привлекательный образ твой, – образ мудрого наставника и истинного человека по сердцу своему.

Учитель и наставник! Мы прежде и больше всего знали тебя с этой именно стороны твоей жизни и деятельности. В преподавании своего, по-видимому сухого, но необходимого для полного богословского образования предмета – греческого языка, ты умел внести живость, возбудить в нас интерес к его изучению, – и мы с охотной прилежностью его изучали. Чуткое молодое сердце воспитанников всегда понимает и оценивает достойного своего места преподавателя, а юношеский жар стремления к знанию всегда заинтересовывается и увлекается знанием, когда оно передается им

с глубоким убеждением, искусным и сведущим преподавателем. За это главным образом мы, бывшие твои ученики, любили и уважали тебя, почивший дорогой наставник!

Но ты был не только мудрый наставник, но и человек, – человек в полном смысле этого слова. Это, я уверен, скажет всякий, кто имел счастье знать тебя близко, и тем скорее скажет, чем ближе знал тебя. Я в настоящее время считаю себя в праве указать лишь на одну сторону твоего характера, как человека, которая и одна ставит тебя на высокой ступени человеческого совершенства: это черта твоего отношения к низшим тебя, ко всем твоим ученикам. Ты не отталкивал нас от себя своею недоступностью; мы были близки тебе – близки и нашими радостями, и нашим горем, которые ты умел понять и ответить на них. Дух благородства, христианской любви, уважения к каждой человеческой личности проникал во все твои отношения к нам – ученикам. Если бы ты мог сейчас спросить из гроба словами пр. Самуила: *«се аз, отвецайте на мя пред Господом и пред Христом Его: еда... кого от вас насильствовах; или кого утесних; извецайте на мя,* – то наверно услышал бы единогласный ответ: *«не обидел еси нас, ниже ни насильствовал еси нам, ниже утеснил еси нас»* (1 Цар., XII). При твоём обращении нет места говорить об оскорблениях и обидах: глубоко твой благородный образ запечатлен на сердце каждого из твоих бывших учеников и никакие жизненные интересы, надеюсь, не застроят от нас отрадного воспоминания о тебе.

Прости же, дорогой наш наставник, до общего будущего свидания в мире загробном! Верь, что добрая память о тебе, и любовь к тебе на долго сохранятся в сердцах твоих учеников; мы будем скорбеть о дорогой для нас утрате и вместе молиться об упокоении души твоей в селении праведных, откуда *«отбеже всякая болезнь, печаль и въздыхание»*. Господи! Прими дух его с миром и не лиши его Своего небесного царствия).

После этого гроб с останками почившего о. Ректора, при плаче его семейных и многих присутствующих при этом, опущен был в холодную могилу и зарыт сырою землею.

Вечная память тебе, сердечный человек и добрый начальник!

Протоиерей Василий Иоаннович Лепешинский, ректор Пермской духовной семинарии

(Некролог)*

Протоиерей Василий Иоаннович Лепешинский, ректор Пермской духовной семинарии, как и большинство видных деятелей и тружеников на ниве духовной, происходил из бедной семьи. Отец его Иоанн Лепешинский (от слова «лепше» – лучше) был дьячком в местечке Хотемск, Климовичского уезда, Могилевской губернии. Время рождения о. ректора относится (приблизительно) к 1828 году. Страшная бедность окружала его с первых же дней его жизни. Отец его, обремененный многочисленной семьей, требовавшей средств к жизни, по необходимости принужден был, помимо исправления своих прямых обязанностей по клиру, заниматься рыболовством, пчеловодством и т. п.

Раннее детство о. ректора протекло в Хотемске, расположенном среди чудной, живописной местности по обоим берегам реки – Беседи, названной так, вероятно, за неумолчное журчание ее чистых прозрачных вод. На этой же реке был устроен пруд. Река и пруд и их берега были местом, где будущий протоиерей и ректор вместе с сельскими ребятами, находясь, за недосугом, без присмотра со стороны семейных, предавался разного рода играм как в летнее, так и в зимнее время. Мальчиком он был резвым, а поэтому жизнь его не раз подвергалась опасности, и он раз едва не утонул. К счастью, в самый опасный момент, подоспела на выручку его сестра. Дело происходило так. В зимнюю пору, когда пруд покрылся сравнительно тонким слоем льда, он, принеши на середину пруда довольно значительную кучу соломы, поджег ее, а сам уселся около нее наблюдать за тем моментом, когда тонкий лед растает, и куча, соломы опустится в воду. В это время пришла на пруд за водой сестра и, увидев, какая опасность грозит ему, быстро, не смотря на

*Составлен на основании формулярного списка о его службе и воспоминаний о его жизни и деятельности, слышанных непосредственно от него самого и его семейных.

то, что лед трещал и гнулся под нею, подбежала к нему и оттащила от пылающей соломы.

Первоначальным учителем о. ректора был его старший брат – Иаков, по разным несчастным обстоятельствам не окончивший курса в семинарии. Во время детства о. ректора, он был причетником в том же местечке, где жил и его отец. Из села и соседних деревень к нему стекались ребяташки учиться. Предметами обучения и преподавания, по тому времени, были богослужебные книги: псалтирь, часослов и т. п. О. ректор, как мальчик даровитый, прислушиваясь к урокам и преподаванию брата, не заметно и очень рано (лет 5–6) научился читать, и уже грамотный поступил под указку брата. Этот брат был добрый и вместе с тем строгий; при постоянных хлопотах главы семейства, он до самой своей рановременной смерти в воспитании о. ректора занял место первого, и о. ректор всегда с любовью вспоминал его, как своего первого педагога и наставника. Добрые семена, которые дали через много лет хороший плод, были заброшены именно им.

После домашнего образования, о. ректор еще ребенком был отправлен отцом для дальнейшего образования в ближайшее Мстиславское уездное духовное училище. Каково было это воспитание и обучение, достаточно известно из записок профессора Д.И. Ростиславова, «Очерков бурсы» – Помиловского и др. До последнего времени, потеряв уже память, о. ректор помнил целые столбцы неправильных латинских глаголов и разного рода исключения, изложенные стихами, целые строфы и стихотворения из Державина и т. п. Самое здание училища, бывшее помещение католического монастыря, ветхое и в то же время грандиозное, с тянущимися под ним подвалами (склепами), в которых местами попадались человеческие кости и черепа, а местами из-под провалившейся почвы выглядывали и гроба, должно было производить и производило подавляющее впечатление на детские умы учащихся... Возрастные же старички – товарищи (тогда таких было много) своими страшными рассказами и шутками еще более усиливали это впечатление. Один из товарищей о. ректора, некто Б–ч, ныне священник, однажды в этих ужасных подвалах разыграл пред о. ректором, маленьким учеником низшего отделения, целую роль Вокулака (человека – оборотня

в волка). Не удивительно, что этот эпизод детства у о. ректора остался в памяти до последних дней. В училище он занимался с особенной любовью русским языком и пристрастился к правописанию до того, что грамматически правильно написанные стихи пресловутого Третьяковского приводили его в восторг своею грамматичностью. В училище о. ректор шел первым учеником и кончил первым. — Однако и он однажды был подвергнут освященному временем, процедуре «сечения». Он был высечен за то, что «ни разу не был сечен...» и кем же? Добрейшим и передовым для своего времени учителем и наставником, будущим тестем его, протоиереем — Твердым. Tempora... mores!...

В 1843 году о. ректор, уже после смерти своего отца, поступил в Могилевскую семинарию. Образование в семинарии протекло своим обычным порядком. О. ректор и здесь шел и кончил курс первым. Начальство, ректор семинарии, архимандрит Серафим, и прочие наставники благоволили к нему, товарищеская же посильная помощь и всегдашняя готовность помочь слабым приобрели ему всеобщую любовь со стороны товарищей. О. ректором чуть ни для всей семинарской меньшей (слабых воспитанников) братии составлялись проповеди и сочинения на трудные темы по богословским предметам, а также по психологии и философии. Время обучения в семинарии были временем гегелианства, и о. ректор увлекался им и заплатил в этом отношении с некоторыми другими дань своему времени. Увлечшись чудными романами Ф. Купера во французском переводе, о. ректор, будучи еще в семинарии, изучил основательно французский язык, так что мог бегло читать и понимать разного рода научные сочинения на французском языке. Из других не важных предметов семинарского курса, пользовавшихся симпатиями о. ректора, была, между прочим, и медицина, которая в то время в Могилевской семинарии преподавалась не дурно. Этот предмет пришелся по душе о. ректору, и он, при халатном отношении к этому предмету других воспитанников, серьезно прочитывал лекции преподавателя. Одно время он даже намеревался оставить духовное звание и поступить в С.-Петербургскую медико-хирургическую академию.

По окончании в 1849 году семинарского курса с званием студента, о. ректор, как первый ученик, предназначен был к посылке в одну из духовных академий для дальнейшего богословского (высшего) образования, но по слабости здоровья отказался, после чего определен был в известное уже Мстиславское уездное духовное училище учителем высшего отделения, а в 1850 году был переведен в Гомельское уездное духовное училище на должность учителя и вместе и. д. инспектора. Из времени служения в Гомельском духовном училище в памяти о. ректора хорошо сохранились грандиозные маневры, устроенные светлейшим князем Варшавским, Паскевичем, для Императора Николая I, о которых о. ректор не раз вспоминал и рассказывал в частной беседе с знакомыми. Величественная фигура Императора Николая Павловича и не обычное грандиозное зрелище маневров произвели на него сильное впечатление.

В августе месяце 1853 года, уволенный от духовно-училищной службы для получения высшего образования в духовной академии, о. ректор поступил в Киевскую духовную академию. И близость к родине, и святыня мест, и благодатный климат влекли его в Киев. Вступительные экзамены в академии о. ректор сдал отлично, только по математике получил 0. – Но в этом была не его вина. При господстве в духовных семинариях в то время умозрительных наук, математика находилась в забросе. В семинарии по этому предмету не было тогда даже определенных учебников. Воспитанники учили «что-нибудь и как-нибудь», или иногда вовсе ничего не учили. Преподаватель-академик (получивший образование в духовной академии) изредка, правда, чертил какие-то фантастические теоремы, как выражался о своем преподавателе-математике о. ректор, но ученики в это время занимались подготовкою совершенно чуждых математике предметов. На экзамене по латинскому языку с о. ректором по близорукости глаз произошел не большой комический казус. – Опоздав на экзамен, он пришел в экзаменационную аудиторию, когда поступавшие воспитанники уже давно переводили из какого-то автора: «Где, братцы, переводите?» – обратился он к одному из переводчиков и хлопнул его по плечу. Переводчиком оказался сам экзаменатор, старичок, профессор академии....

В духовной академии о. ректор всецело отдался наукам. Знание языков древних, в том числе и еврейского, а из новых – французского, при занятиях сильно помогло ему. Еще более явилось для него удобств, чтобы усидчивее заняться науками, когда ему был поручен надзор (инспекторство) за академическими певчими и поэтому отведено было совершенно отдельное помещение. Отдавшись наукам, он, не принимая участия ни в каких увеселениях, не был даже ни разу в театре. Последний для него и в дальнейшей жизни, благодаря обстоятельствам, остался *terra incognita*.

По предложению ректора академии, архимандрита Израиля, о. ректор, для получения ученой степени магистра богословия, занялся собиранием для перевода лжеисидоровских декреталий, этой основы учения Римской церкви о светской власти пап. Но, по причине их разбросанности по многим томам летописи Барония и оказавшемся не полным комплекте томов Барония в академической и университетской библиотеках, труд оказался напрасным, и о. ректор потерял много времени и сил. После этого он избрал темою разбор книги «Экклезиаст». Находившиеся под руками источники не удовлетворили его и он, положившись на собственный здравый смысл и вооружившись знанием языков, взялся с необычной энергией за свой новый труд...

В 1857 году о. ректор окончил полный курс в академии по первому разряду; причем, благодаря каким-то темным интригам и нежеланию принять монашество, был обойден в порядке магистров. Степень магистра он получил, по утверждению Святейшим Правительствующим Синодом, будучи уже на службе, в 1858 году, а магистерский крест в 1860 году.

Будучи еще студентом академии, о. ректор получил предложение – быть учителем семинарии в далекой Перми (странная случайность!), но, привязанный к матери-старушке (отец его в это уже время умер), он отклонил это предложение и был определен, согласно, желанию, инспектором и учителем Могилевского духовного уездного училища в 1858 г. Смотрителем Могилевского духовного училища в это время был архимандрит Аристон, человек незлобивый, но гибнувший от рокового порока, неумеренного пристрастия

к вину. В минуты опьянения он был ужасен... И на этого человека о. ректор сумел приобрести полное влияние. Архимандрит Аристон уважал о. ректора и, сознавая вполне свой губительный порок, предоставил себя в полное распоряжение его в минуты запоя. В таких случаях, по приказанию о. ректора, ему прекращалась выдача вина, – о. архимандрит не выпускался из квартиры, мало по малу приходил в себя, и все, таким образом, к общему удовольствию, оканчивалось благополучно. Очевидно, что, при таком зрителе и при добрых его отношениях к инспектору, все управление училищем лежало на руках о. ректора, и училище, конечно не было от этого в ущербе. На память об архимандрите Аристоне у о. ректора до последнего времени хранилось евангелие с надписью Аристона, но в тревожные дни похорон о. ректора оно пропало...

В октябре 1858 года, с утверждения Преосвященного Могилевского Анатолия (Мартыновского), правлением Могилевской духовной семинарии о. ректору поручено было исполнение должности учителя по св. писанию и греческому языку в высшем отделении в семинарии. Вскоре в этой должности он был утвержден, от должности же при Могилевском духовном училище был уволен. Во время своей педагогической деятельности в Могилевской семинарии, о. ректор преподавал следующие предметы: Св. Писание и Греческий язык с 1858 по 1863 г., Логику и Психологию с 1863 по 1867 г., Нравственное и Пастырское Богословие и Гомилетику с 1867 по 1874 г. и снова Греческий язык с 1874 по 1884 год, последний год службы его в Могилевской духовной семинарии.

Вступая на педагогическое поприще, о. ректор избрал девизом своей деятельности: делать добро во имя добра... Рыться в человеческих сердцах, доискиваться – достоин ли нуждающийся помощи, во благо ли послужит оказанное ему добро, – было не в его характере. Как учитель семинарии, он был истинным другом учеников и их не велегласным защитником и радетелем. Он делал добро «втайне», следуя евангельскому завету: *когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая* (Мат. 6, 3). – Только ревнуя о добре он в 1874 году, когда наступила тяжкая пора классицизма, по предложению ревизовавшего тогда Могилевскую семинарию

М.Х. Григоревского, принял на себя снова преподавание греческого языка (в младших классах и выпускном), с целью – обезопасить по крайней мере на первых порах юных учеников первых классов от тяжести сурового, беспощадного классицизма и направить их первые шаги. Без этой побудительной причины он ни за что бы не оставил преподавания своих любимых богословских предметов, – тем более, что в это время им составлялся даже учебник по Гомилетике, предназначавшийся к печати. «С тех пор, как я стал преподавать мертвый греческий язык, я не имел уже возможности поддерживать дорогое для меня общение с учениками», – часто говорил он впоследствии.

Занимаясь греческим языком с учениками младших классов, о. ректор, благодаря своему авторитету, не оставлял своей помощью их и в дальнейших классах, особенно на экзаменах по греческому языку. Так, – на экзаменах по этому предмету преподаватель греческого языка в старших классах К–в, глубоко уважавший о. ректора, человек простой, безгранично добрый, но до фанатизма преданный своему предмету, по принципу не щадивший учеников за неточное определение какого-нибудь условного предложения, принимавший неточность за личное оскорбление, – часто покорно повиновался одному неуловимому слову, знаку о. ректора и уходил из класса на все время, когда экзаменовались ученики заведомо ненадежные.

В 1859 году о. ректор сочетался браком с Людмилой Потапиевною Твердою, дочерью известного во всей Могилевской и соседних епархиях протоиерея и дворянина Могилевской губернии – Потапия Иоанновича Твербус-Твердого, одного из видных деятелей по воссоединению униатов. (Деятельность эта не прошла, бесследно и занесена на страницы церковной истории местного края). В 1860 году, в мае месяце, в день святителя Николая Преосвященным архиепископом Анатолием о. ректор рукоположен был во священника к Могилевскому, кафедральному Иосифовскому (историческому) собору.

В первые годы пастырского служения, в качестве православного священника, о. ректору пришлось пережить тяжкие дни, дни испытания. 1863 и 1864 годы бурно, разрушительно пронеслись

над губерниями западного края, в том числе и над Могилевскою. Нафанатизированное своим воинствующим духовенством, католическое польское население ругалось над православием, его святынями и его священнослужителями, даже по время совершения последними таинств и священных обрядов... Так, однажды, при выносе православного покойника, оскорбительная брань и даже плевки обрушились на о. ректора, но о. ректор, верный своему пастырскому долгу, под обаянием величия совершаемого обряда погребения, не потерялся: твердо выдержал первый грубый натиск ослепленной в своем безумии толпы и, как истинный пастырь Христов, обратился к ней с речью. Его вдохновенное слово произвело свое действие: ослепленные сознали свое безумие, кощунство и рассеялись. Такие случаи в той или другой форме в эти годы были почти постоянны. – Польское восстание было испытанием для семейства о. ректора еще и в другом отношении. Вблизи казенной квартиры (дом принадлежащий собору), в которой жило семейство о. ректора, с одной стороны возвышалось грандиозное здание казарм (ныне обгорелые стены), а с другой – тянулся глубокий, бесконечный обрыв. В дни восстания здание казарм было переполнено пленными повстанцами; из упомянутого же оврага со дня на день, с часу на час ожидалось появление, спешившей, по слухам, на освобождение пленных товарищей, банды под начальством Топора. Хотя возле квартиры о. ректора то и дело разъезжали казацкие патрули, положение семьи, при малочисленности Могилевского гарнизона, было во всяком случае опасное. К счастью банда была уничтожена, нападение таким образом не состоялось, и все беспокойство ограничилось бессонными, лихорадочно-тревожными ночами. – В память усмирения польского мятежа – 1863 и 1864 гг. у о. ректора сохранилась, данная ему в 1865 году, бронзовая медаль.

В 1870 году о. ректор определен был ключарем того же Иосифовского собора; в этой должности он состоял все остальное время пребывания в Могилеве. В 1871 году архиепископом Евсевием он был возведен в сан протоиерея. Четыре епископа на Могилевской кафедре сменили друг друга в течение службы о. ректора в Могилеве. Епископы эти следующие: архиепископ Анатолий, благословивший первые шаги пастырской и общественной деятельности

о. ректора; архиепископ Евсевий (Орлинский); епископ Иаков (впоследствии настоятель Донского Московского монастыря), управлявший Могилевской епархией во время продолжительной болезни Преосвященного Евсевия; и наконец епископ Виталий (Гречулевич). Все означенные епископы ценили деятельность о. ректора и щедро представляли его к наградам. Помимо духовных наград, о. ректор, во время своей службы в Могилеве, награжден был и орденами до ордена св. равноапостольного князя Владимира 4-й степени включительно (получен в 1880 году).

При последних трех епископах, о. ректору, как выдающемуся проповеднику (получившему известность еще с семинарской скамьи), была, между прочим, поручена цензура проповедей духовенства Могилевских церквей. Часто целые проповеди искреживались его карандашом и тем не менее почти всегда признавались удовлетворительными и годными для произнесения, потому что на развалинах первоначального текста возводилось им новое слово. Цензурные отзывы о. ректора на проповедях, в большинстве случаев, были кратки: «слово православное и назидательное», просто – «слово православное» и только изредка – «читал такой-то». Последняя надпись обыкновенно вызывала авторов на размышление.

Сам о. ректор, как уже замечено, был выдающимся проповедником. Его проповеди были сильны и убедительны. Благодаря главным образом своей простоте и замечательному уменью о. ректора – затрагивать самые чувствительные струны человеческого сердца, они всегда производили сильное впечатление на народ, даже иноверцев (католиков, евреев). В своих проповедях о. ректор никогда не вдавался в отвлеченность, редко касался злобы дня; они носили отпечаток чисто евангельской простоты и непосредственности. Часть проповедей о. ректора была напечатана им в 1882 году. «Сердечным желанием» его, при напечатании проповедей, было «дать ученикам духовной семинарии, как юношам только что начинающим дело письменной проповеди, образчики наиболее доступные и полезные».

Исполнялись о. ректором в бытность его в Могилеве и другие, возлагаемые на него, обязанности и поручения. С 1864 года он со-

стоял членом дирекции народных училищ Могилевской губернии и, в качестве такового, много сделал добра, в особенности сыновьям и дочерям духовенства, способствуя определению их на учительские места, оказывая поддержку и защиту при недоразумениях с дирекцией, инспекторами и пр. В 1873 году, по поручению правления семинарии, им произведена бала ревизия духовных училищ Могилевской епархии. Его указания, плоды этой ревизии, послужили основанием последовавшей затем ревизии М.Х. Григоревского. На рассмотрение о. ректора от епархиальных епископов часто поступали темные разные книги и брошюры. Так у о. ректора есть печатный отзыв его от 1884 года «о брошюрах, высланных обществом поощрения духовно-нравственного чтения в Завидовское народное училище Могилевской губернии». (Общество это было закрыто по Высочайшему повелению 24 мая 1884 года, и распространение брошюр общества с явно сектантским направлением в православном народе прекращено).

В 1884 году о. протоиерей – Василий Иоаннович указом Святейшего Синода от 7 сентября назначен был на должность ректора в Пермскую духовную семинарию. Поздней осенью, сопутствуемый св. иконою Спасителя, поднесенной ему причтом Могилевского кафедрального собора, благопожеланиями земляков: родных, сослуживцев, учеников, духовной паствы..., людей, с которыми он никогда не расставался, он навеки оставил свой родной Могилев и отправился, взявши с собою младшего сына (жена же его с остальными детьми остались до весны в Могилеве в доме своего отца, протоиерея Твердого), к месту нового своего служения.

19 октября, поздно вечером, на пароходе И.И. Любимова о. ректор прибыл в Пермь, а 20 октября утром от запросто в учительской сборной комнате перезнакомился с учителями семинарии, своими новыми сослуживцами. Пермская семинария, надо заметить, до его приезда находилась без ректора в течении 2-х лет и 8 месяцев, и семинарская корпорация с особым вниманием всматривалась в новоприбывшего своего начальника. Его простое обращение со своими подчиненными, не заключающее в себе ничего начальнического, и сердечная доброта на первых же порах его служения в Пермской

семинарии подкупили многих в его пользу; особенно же привязались к нему и полюбили его воспитанники семинарии, видя в нем не столько начальника, сколько доброго любящего отца.

Вступил в отправление своих обязанностей по должности ректора семинарии, о. ректор тихо и мирно, без видимой ломки семинарских порядков, стал стремиться к достижению целей, полезных для Пермской семинарии. При своей многолетней опытности и знании богословских предметов, он незаметно и умело повел дело обучения в семинарии к лучшему. Особенное внимание он обратил на поднятие письменных упражнений и сочинений среди учащихся. Для этой цели он особенно следил за внимательным исправлением преподавателями ученических сочинений. Деятельность о. ректора в этом отношении не была бесплодна. Бывшая через год, по прибытии о. ректора в Пермь, ревизия семинарии (в конце 1885 года) членом-ревизором учебного комитета при Св. Синоде М.Х. Григоревским – нашла семинарию в учебном отношении в лучшем состоянии, особенно за время управления семинарией о. ректором, сравнительно с временем предшествовавшей ревизии.

Я не буду распространяться о дальнейшей деятельности о. ректора, в качестве начальника семинарии, так как эта деятельность всем знавшим его хорошо известна. Деятельность эта, за все шестилетнее время ректорства его, соответствовала указанному своему началу. О. ректор, как начальник и как человек, снискал общую любовь, которая и выразилась со стороны семинарской корпорации поднесением ему двух икон в серебро-позлащенных ризах: святителя Николая и Спасителя. Одна икона (икона святителя Николая) поднесена была в первый год служения о. ректора в Пермской семинарии, именно: 9 мая 1885 года, по случаю 25-летия служения его в священническом сане; другая же (икона Спасителя) – в последний год его деятельности, за 8 месяцев до его смерти, 9 мая 1890 г., по случаю 30-летия служения его в том же священническом сане. Обе иконы поднесены были экспромтом, и о. ректор до самого поднесения не знал об этом. – О любви же и уважении к о. ректору со стороны воспитанников семинарии свидетельствуют вышеприведенные речи воспитанников, сказанные ими при погребении над

гробом почившего. Кроткие увещания о. ректора, не раз обращаемые к ним, имели большее значение в нравственно-исправительном отношении, чем строгие карательные меры, и часто предупреждали и останавливали беспорядки, возникавшие среди учеников. Заслуженною любовью пользовался о. ректор и среди знавших его граждан г. Перми.

Помимо своих прямых обязанностей по должности ректора, о. ректор, как и в Могилеве, и здесь нес сторонние обязанности. Так, – ему поручено было Пермскими Преосвященными цензорство проповедей местного градского духовенства. Это был строгий цензор, но его исправления и замечания, делаемые на проповедях, имели то значение, что указывали неопытным проповедникам путь, которому они должны следовать при писании своих проповедей, и слабые стороны их слова, которые они должны были впредь избегать.

Из дел, выдающихся в летописях семинарской жизни за время управления о. ректором Пермской семинарией, можно указать на следующие. 1) При о. ректоре, еще в первый год его служения в Перми, в семинарии было открыто «Общество вспомоществования недостаточным воспитанникам Пермской духовной семинарии», и о. ректор был избран председателем этого общества и оставался в этом звании бессменно до самой своей смерти. Как председатель комитета общества, о. ректор щедрою рукою раздавал пособия из кассы общества всем нуждающимся воспитанникам семинарии и этим дал возможность некоторым воспитанникам благополучно окончить курс семинарского образования. Но, не смотря на щедрую раздачу пособий, материальная сторона общества не страдала; неприкосновенный капитал общества увеличивался и за время председательства о. ректора возрос до 7000 р. с лишком. 2) При о. ректоре и о. ректором устроены были при семинарии новые каменные службы и каменная баня со всеми новейшими приспособлениями. Вопрос о постройке при семинарии каменных служб и бани поднят был еще за много лет до приезда о. ректора в Пермь, но решение его по каким-то причинам с году на год откладывалось. О. ректор, убедившись в крайней ветхости семинарских служб и бани, энергично повел дело. Составлены были план и смета на новые здания, которые

и отправлены были на утверждение Св. Синода. По утверждении их, о. ректор в качестве председателя строительного комитета, приступил к постройке новых зданий. За постройками он следил внимательно и осматривал их по нескольку раз в день, не обращая внимания на состояние погоды. Наблюдая за ходом работ, он не раз подвергался простуде, на которую он обращал мало внимания, и которая, между прочим, была одною из причин тяжкой и продолжительной болезни, сведшей его в могилу. По окончании означенных работ, о. ректор думал заняться постройкою при семинарии общежития, но смерть не дала ему возможности осуществить вновь задуманных им построек.

В 1890 году, во второй половине июля месяца, Пермь посетил его Высокопревосходительство, г. Обер-Прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев вместе с управляющим канцелярией Св. Синода В.К. Саблером и камергером двора Его Императорского Величества А.А. Араповым. О. ректору, уже в это время больному, хотелось показать семинарию и воздвигнутые им новые каменные здания высоким посетителям г. Перми, к чему он и готовился, но после представления Его Высокопревосходительству в зале при часовне Братства святителя Стефана, он так ослабел, что не мог уже, когда г. Обер-Прокурор вместе со своими спутниками прибыл в семинарию, встретить и приветствовать его в семинарском здании. Это обстоятельство сильно огорчило о. ректора, и болезнь его заметно стала усиливаться.

Ночью на 16 января, в половине 2-го часа, о. ректор скончался, оставив осиротелыми и семинарию и свою семью – жену с шестью детьми.

ПЕРМСКАЯ

ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ 1 И 16 ЧИСЕЛЪ.

16-го Февраля № 4. 1891 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: Слово при погребеніи о. ректора семинаріи, протоіерея Василя Лепешинскаго.—Кончина и погребеніе ректора.—(Некрологъ).—Объявленіе.

С Л О В О

при погребеніи о. ректора семинаріи, протоіерея Василя
Лепешинскаго.

Братіе мои возлюбленніи, взываетъ къ намъ почившій, — не забывайте мя, егда поете Господа: но поминайте и братство, и молитте Бога, да упокоитъ мя съ праведными Господь (тропарь погреб. священнич.).

Издатели:

Огарышевы Сергей и Екатерина, г. Пермь, 2010 г.
8-902-47-322-21, 8-902-83-383-29
sergey@ogaryshev.org

Дизайн передней обложки:

Ново-Тихвинский женский монастырь, г. Екатеринбург, 2009 г.